

поскольку Клеманж получил степень лиценциата искусств только в 1380 г. Именно тогда он впервые приобщился к литературе, в то время как его взгляды сложились позднее. Во всяком случае Клеманж стремится подчеркнуть, что он ничего не должен Италии. «Поверьте, — пишет он Пьетрамала, — я никогда не видел ни вашей Болоньи, которую вы называете матерью учения, ни Италии (*Bononiam vestram... nunquam omnino vidi, nee Italiam*)». Он сам — живой пример того, что Петрарка ошибался и что можно научиться красноречию в иных местах, помимо Италии. Родившийся и учившийся во Франции («*me Gallicis editum, alitum atque eruditum litteribus*»)** , Клеманж обладал — возможно, помимо каких-то прирожденных дарований — и другими качествами, ставшими для него учителями: любовью к учению, к его применению на практике, к упражнениям, к усидчивому и внимательному чтению и даже к красноречию авторов. Кстати, это те самые учителя, которых в первую очередь рекомендовал Августин в «*De doctrina Christiana*», и это — более полезные методы, чем учение по предписаниям педагогического мастерства, ибо высшая степень мастерства, достигаемого убеждением, заключается в том, чтобы уметь скрыть мастерство убеждать. Безусловно, предписания полезны, и Клеманж изучил их у Квинтилиана и Цицерона, но они больше пригодны для чтения речей Цицерона, чем

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 566

для изучения его трактатов. Наконец, Клеманж не отрицает, что, помимо учителей, в качестве которых выступали указанные им его собственные свойства, он встречал наставников, способных научить («*praecipitores, cum quibus legendo et conferendo, multa utilia didici, quae solus forsitan non intellexissem*»)*. В уколах Петрарки есть некоторое национальное самолюбие, есть оно, безусловно, и в ответе Клеманжа. Однако вопреки тому, что пишут их историки, остается непреложным факт, что эти французские любители словесности обязаны своим основным образованием Парижскому университету и что они сами осознают, придерживаться ли им французской традиции или обновлять ее, но ни в коем случае не будут следовать советам, пришедшим из-за рубежа. Этот факт станет гораздо более ясным — и намного более поучительным! — в момент, когда Клеманж, расширяя рамки дискуссии, сравнит между собой то, что именно Франция и Италия сделали для развития красноречия с конца античного мира. Для самоуспокоения — после суждения Петрарки о своей стране — у Клеманжа есть в запасе прежде всего слова св. Иеронима из его письма Ви-гиландию: «*Sola Gallia monstra non habuit, sed semper viris fortibus atque eloquentissimis abundavit*»**. Это — земля, которая представляется населенной храбрыми и красноречивыми людьми, где чудовища не чувствуют себя как у себя дома, это — земля, где живет Клеманж, и он не видит, что она когда-нибудь была не достойна изящной словесности. Иларий из Пуатье, которым восхищался Августин, Проспер Аквитанский, Геннадий из Марселя, Сульпиций Север — трудно завершить перечень древних. Но обратимся к более близкому прошлому: среди «новых» людей находятся Бернард Клервоский, Ив Шартрский, Гильдебарт из Лавардена, Петр Достопочтенный, Алан Лилльс-кий, не считая Гуго и Рихарда Сен-Викторских и столько много других, сколько можно назвать. А вот решающий аргумент — самый значительный факт, который, выйдя за

пределы процесса «Клеманж против Петрарки», доминирует над всей этой историей: в тот момент, когда во Франции процветали писатели, кто был в Италии? — Никого. В самой Франции царил безлюдье со времени Беды Достопочтенного до появления Бернарда Клервоского: свободными искусствами тогда пренебрегали, забыли и словно зарыли в землю почти все: «*toto prope orbe artes illae in incuriam atque oblivionem deductae, et quodammodo, ut ita dicam, sepultae*»***. Этот факт верен и для Италии, столь похваляющейся ныне своим культом красноречия. Только тогда происходит изменение, причем именно во Франции, — и это важнейший пункт, если желаешь понять